ЛИЧНОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

УДК 81'246.2

Н.С. Сергиева
Сыктывкар

ИНОЯЗЫКОВОЕ БЫТИЕ ПИТИРИМА СОРОКИНА

Цитирование: Сергиева Н.С. Иноязыковое бытие Питирима Сорокина // Наследие. 2019, № 2(15). – С.122–128.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2019.2.9>

Citation: Sergieva N.S. Inoyazykovoe bytie Pitirima Sorokina [Foreign language life of Pitirim Sorokin] // Nasledie [Heritage] 2019, No. 2 (15). – pp.122–128.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2019.2.9>

В статье рассматривается ключевой этап языковой биографии П. Сорокина в единстве с его научным мировоззрением и уникальным жизненным опытом в аспекте современной теории транслингвизма и транскюльтурализма. Языковая практика и особенности стиля П. Сорокина являются неотъемлемой частью его биографии и научного творчества.

Ключевые слова: языковая биография, билингвизм, транслингвизм, языковые практики, стиль, жизненный опыт, научное мировоззрение.

Sergieva N.S. Foreign language life of Pitirim Sorokin

The article considers the key stage of the language biography of Pitirim Sorokin in unity with his scientific worldview and unique life experience. Such a unity is investigated from point of view of the modern theory of transculturalism and translanguing practices. Style features and language practices of Pitirim Sorokin are the integral part of his biography and scientific work.

Key words: language biography, bilingualism, translanguing practices, style, life experience, scientific work.

Что такое языковая биография? Перечень языков, осваиваемых на разных этапах жизненного пути в связи с мотивацией к их изучению, уровень владения и сферы использования? Вяч. Вс. Иванов указывал на языковую биографию личности, в которой намечены языковые периоды, отличающие разные времена жизни человека, оставившего по себе словесные свидетельства и отдельные трагические повороты языковой судьбы [Иванов, 2004]. Понятие языковой судьбы сводится Вяч. Вс. Ивановым к судьбе писателей, подтвержденной материалом художественных текстов, но может быть расширено применительно к судьбе исторически значимой личности в других сферах творчества, не только художественного.

Исследователи творчества П. Сорокина указывали на тесную связь его жизненного опыта и научного мировоззрения, отмечая, что «он выпадает из привычных принципов оценки ученого, когда личная жизнь и научные взгляды рассматриваются по отдельности. Скорее его надо анализировать, как анализируют писателей, – у них биография всегда теснейшим образом связана с творчеством. Разве можно представить “Колымские рассказы” Варлама Шаламова в отрыве от его тюремного опыта или “Мастера и Маргариту” без того, что Михаил Булгаков пережил и видел в московской литературной среде! Это не означает, конечно, что Сорокин просто “перелагал” свои наблюдения на научный язык. Он жил в мире научных идей и научного диалога. Но в любом споре, когда дело доходило до окончательного ответа и заключения, он всегда опирался в качестве главного аргумента и верховного судьи на собственный опыт. Только виденное собственными глазами и пережитое собственным сердцем получало от него полноту доверия» [Зюзов, 2019, с.11].

На понятие языковой судьбы опирается У.М. Бахтикиреева, определяя языковую биографию как онтологию языкового бытия или иноязыкового бытия (транслингвизм) [Бахтикиреева, 2016, с.77]. Однако сегодня данное понятие развивается в контексте междисциплинарных исследований по миграционной лингвистике, затрагивающих вопросы языковых контактов и многоязычия.

Исследование языковой биографии личности в динамике невозможно вне междисциплинарного подхода, с использованием только методов и подходов современной антропоцентрической лингвистики, без обращения к историческому, культурному и социальному контексту, т.е. без привлечения данных других гуманитарных наук. Как научное понятие, не дидактическое, определяемое в рамках Европейского языкового портфеля, языковая биография тесно связана с изучением языковых контактов, следствием которых, в частности, является би-, поли- и транслингвизм. Языковая биография личности, в которой изучаются разные периоды жизни человека от его рождения и до конца жизни, периоды персонального взаимодействия с языком/языками, – «это история становления языковой личности (часто билингвальной или полилингвальной) от этапа зарождения индивидуальной жизни до ее конца в тесном переплетении с процессами приобретения, становления и эволюции когнитивного опыта, с мировоззрением, системой ценностей человека» [Лямзина, Колмогорова, 2018].

В современной лингвистической, культурологической и педагогической литературе интенсивно обсуждаются понятия и термины, связанные с межкультурной коммуникацией и последствиями взаимодействия языков и культур. Относительно новой, появившейся в лингвистике и лингводидактике в 1990-х гг., является кон-

цепция транслингвальности, опирающаяся на выдвинутое несколько ранее понятие транскультурности. В отечественной лингвистике с опорой на труды В. Замэль, Ф. Ортиса, М.В. Тлостановой и С. Карагаджа ее активно разрабатывает З.Г. Прошина: «Транскультурность, или транскультуральность, предполагает **одновременное существование индивида в роли сразу нескольких идентичностей в разных культурах**, с сохранением отпечатков каждой из них» [Прошина, 2017, с.158]. Исследовательница дает такое определение транслингвальности: «...под *транслингвальностью* понимают **плавный синергетический переход от одной лингвокультуры к другой**, в результате чего происходит некоторое их слияние, при этом отсутствует полная ассимиляция и сохраняется лингвокультурная идентичность пользователей языков, а также создается смешанный дискурс» [Прошина, 2017, с.160]. Транскulturация отличается от интеркультурации или аккультурации тем, что при транскulturности «культуры встречаются, взаимодействуют, но не сливаются, сохраняя свое право на “непрозрачность”» (М.В. Тлостанова) [Цит. по: Прошина, 2017, с.159]. Явления транслингвизма отмечаются и используются в социолингвистике, лингводидактике, феномене транслингвальной («колониальной») литературы, рекламе и переводе.

Известно, что научная судьба П. Сорокина в США складывалась непросто. У него всегда было много оппонентов, он пережил признание и академическое забвение. Но в конце жизни к нему вновь пришло признание коллег – почетный пост президента Американской социологической ассоциации. Одновременно с жизненными и научными задачами П. Сорокин решал задачи лингвистические.

В работе «Sociology of My Mental Life» (Социология моей интеллектуальной жизни) он описал основные этапы своей языковой биографии:

«My native and learned languages. Since I was born and reared amidst the Komi people, speaking the Komi and the Russian languages, these languages have spontaneously, without any purposive intention on my part, become my native languages. At a later period of my life, again spontaneously, even contrary to my wishes, and exclusively because of lack of practice (caused indirectly by social and cultural factors), I largely forgot the Komi, and my Russian language was somewhat impaired. ... At a later stage of my life I learned the Latin, the French, the English, and, to a lesser extent, the German and Slavic languages. In these cases, however, I learned them intentionally. They did not enter my mental equipment spontaneously as in the case of “the native” languages, but were learned purposefully through rational determination and a great deal of labor. Knowledge of these languages was the necessary condition for enrolment as a student in a Russian university, for doing scientific work, for obtaining an academic position, and for earning my living as a university professor and scholar in Russia as well as, after my banishment, in the United States» (Мои родные и усвоенные языки. Так как я родился и вырос среди народа коми, который говорит и на коми, и на русском, то совершенно спонтанно, без какого-либо намерения с моей стороны они стали моими родными языками. В более поздний период моей жизни, снова спонтанно (и даже вопреки моему желанию, а исключительно из-за отсутствия практики (обусловленного косвенным образом социальными и культурными факторами) я практически забыл коми язык, а мой русский язык значительно ухудшился. ... На более позднем этапе жизни я учил латинский, французский, английский и в несколько меньшей степени немецкий

и славянские языки. В этом случае, однако, я изучал их намеренно. Они не вошли в состав моей ментальной «экипировки» спонтанно, как это было в случае с «родными» языками, а были усвоены намеренно, вследствие рационального решения и посредством большого труда. Знание этих языков было необходимым условием для приема на учебу в российский университет, для проведения научной работы, для получения академической должности и для того, чтобы зарабатывать себе на жизнь в роли университетского профессора и ученого сначала в России, а затем, после моего изгнания, в Соединенных Штатах [перевод Н.Ф. Зюзева] [Sorokin P., 1963, с.11–12; Сорокин П.А, 2018, с.105].

В биографии П. Сорокина можно выделить несколько поворотов языковой судьбы. Несомненно, главным поворотом был переезд в США. Как же складывалось его иноязыковое бытие?

После переезда в США английский язык выходит в его жизни на первый план и становится единственным языком его профессии. Русский язык не изгоняется, но сфера его использования сужается: им пользуются для переписки с соотечественниками, общения с близкими друзьями, такими как Ростовцевы и Кусевские, и отчасти внутри семьи. Родители прекратили общение с детьми на русском языке после того, как учителя обратили их внимание на русский акцент в речи сыновей [Сорокин С.П., 2013, с.445]. В современном глобализующемся мире это вряд ли сочли бы веской причиной, но в Массачусетсе 30–40-х гг. XX в. с таким замечанием приходилось считаться ради успешного будущего детей.

До конца жизни П. Сорокин говорил по-английски с сильным русским акцентом, что объясняется поздним освоением языка. Об этом сохранилось много документальных свидетельств; имеющиеся аудиозаписи также показывают, что у Сорокина сохранился русский артикуляционный уклад. Его преподавательской деятельности акцент не мешал.

В архивных материалах сорокинской коллекции Университета Саскачевана находятся рукописные рабочие тетради П. Сорокина (some 90 notebooks on his reading and thinking), которые содержат заметки и конспекты прочитанных книг, хотя конспектами их можно назвать лишь условно. Наблюдается интересная закономерность: планы и заметки, касающиеся учебных курсов и будущих книг, изложены Сорокиным исключительно на английском языке, но записи, касающиеся проработки научных источников, двуязычны – в них наряду с английским используется русский язык.

Сорокин интенсивно и в большом количестве осваивал научные источники, он гордился тем, что называл своей «начитанностью». Р. Мертон вспоминал о периоде работы над «Современными социологическими теориями»: «Иногда я по просьбе Сорокина приносил из библиотеки множество увесистых томов. Через день-два он их все возвращал. У Сорокина был дар очень быстро схватывать основные идеи прочитанного» [Мертон, 2013, с.429]. Такой объем проработанной научной литературы отражает высокий темп и интенсивность научной работы выдающегося социолога.

Как свидетельствуют архивные рабочие материалы, выявление, осмысление и оценка основных идей изученной научной литературы с целью последующего использования в исследованиях и преподавании воплощались в краткой и емкой форме тезисов, заметок и авторских комментариев. Обычно это выписки и краткие заметки, помещенные под выходными данными, эллиптические конструкции, незакон-

ченные предложения, ключевые слова и пометы, собственная система сокращений. В записях наблюдается явление переключения кодов в пределах текста и фразы, диграфичные написания слов. Записи делались «для себя», с пониженным контролем сознания при выборе языковых форм выражения. Его мысль не была скована формами только одного языка при изучении, отборе и оценке научной литературы. Эта практика использования двух языков на подготовительном этапе научной работы не меняется на протяжении длительного времени и не может быть объяснена недостаточным знанием английского [Сергиева, 2019, с.40].

Другой особенностью подхода к анализу научной литературы был критический настрой, определяющий общие особенности стиля научных работ Сорокина: «Критика была для него средством выражения мысли. Он все еще испытывал влияние революционного настроя, и потому его отношение к иным точкам зрения почти всегда агрессивно» [Мертон, 2013, с.429]. Эта критичность проявляется также в его «конспектах» и заметках по поводу прочитанного.

После отъезда из России П. Сорокин стремился в США. Английский язык он изучил в интенсивном режиме и за считанные месяцы, понимая значение хорошей языковой подготовки для профессионального и жизненного успеха в США.

По воспоминаниям Сергея Сорокина, после переезда в Америку его отец все работы писал на английском языке, затем они передавались секретарше или профессиональной машинистке для перепечатки. Наиболее важные работы редактировались с точки зрения языка и стиля профессиональными редакторами или коллегами. Иногда такие функции брали на себя подростки [Сорокин С.П., 2013, с.450].

Американский исследователь Роджер Смит так высказывался о знании Сорокиным английского языка: «I have examined carefully numerous articles by Sorokin and have concluded that while he can be faulted as a stylist—his writing style varies from scholarly (sometimes arcane) and prolix to straightforward and punchy—his competence in English from the point of view of grammar was reasonably good for someone for whom English was not a native language» (Я внимательно изучил множество статей Сорокина и пришел к выводу, что его можно упрекнуть за стиль – стиль его работ варьируется от академического (временами в неявной форме) и многословного до незамысловатого и напористого – его владение английским языком в смысле грамматики было достаточно хорошим для того, кому английский язык не был родным [перевод наш. – Н. С.] [Smith, 2019, с.28]. Он отмечает отдельные погрешности в использовании артикля и грамматические русизмы, неточное словоупотребление, но изъяны в стиле Сорокина отмечали многие. В архивных сорокинских черновиках есть орфографические, пунктуационные и грамматические ошибки, что вполне объяснимо для документов такого рода.

Сорокин умел писать быстро и много. Р. Смит видит в этом влияние его журналистского прошлого, отмечая убежденность и большую эмоциональную силу его стиля. Критических замечаний по поводу своего стиля Сорокин не принимал. В качестве примера Р. Смит приводит ответ Сорокина на критику его книги профессором Гарварда К. Бритоном за «отсутствие грации стиля» и «чувства формы»: «If for the moment we grant that he is right in all these accusations, what of it? What relationship have these shortcomings to the validity of my theories? None! My work is not submitted

for a prize in English composition. It does not lay claim to the virtues of elegant writing. Generally speaking, most scientific works, including the classical treatises, do not» (Если на данный момент мы признаем, что он прав во всех этих обвинениях, что из того? Какое отношение имеют эти недочеты к обоснованности моих теорий? Никакого! Моя работа не представлена на приз в английской композиции. Она не претендует на достоинства изящной словесности. Вообще-то говоря, как и большинство научных работ, включая классические трактаты [перевод наш. – Н. С.] [Smith, 2019, с.26].

Это свидетельство выводит нас на проблему Сорокина-полемиста. Уже упоминалось, что он в США пережил годы забвения и академической изоляции, вызванные серьезными научными разногласиями, которые нашли отражение в научной и мемуарной литературе, мы их касаться не будем. Однако существует мнение, что академические конфликты и большое количество недоброжелателей были вызваны в том числе и некоторыми его качествами, которые американские ученые идентифицировали как нетипичные для научной дискуссии. Критики отмечали его излишнюю эмоциональность как автора, категоричность выводов и «догматический» тон [Зюзов, 2019, с.12].

Исследователи творчества П. Сорокина традиционно выделяют два основных периода его жизни – русский и американский, иногда (относительно развития его идей) – «научный» (до 1937 г.) и «ненаучный». Однако его научное творчество сохраняло единство на протяжении всей его жизни, и у этой точки зрения немало сторонников. Американские исследователи используют образ «солдата удачи», «повстанца от социологии» (Д. Мартиндейл), «странника» (Л. Николс) или «вечного одиночки, чужака», как утверждает категорично настроенный Л. Козер, считающий П. Сорокина вечно чужим на протяжении всей его жизни, что и обусловило его одиночество как в России, так и в Америке [Козер, 2006, с.433].

В яркой личности П. Сорокина неординарный жизненный опыт определил особенности его научного мировоззрения, неотделимой частью этого единства является его транслингвальное иноязыковое бытие, его языковая судьба. Как он сам утверждал: «Forced to be «independent» and «free» to survive as well as I could at the age of ten, since this early age I have had to cope with the hard realities of life, beginning with the procuring of my means of subsistence ... Such a stern school of life either breaks its pupils or makes them self-reliant and independent. Sternly disciplined for many years in this sort of school, I became, to a notable degree, a selfreliant, independent, now and then nonconformist individual who in his search for truth does not accept any authority, any theory, any belief, or any value until it is tested and verified by all the relevant evidence available» (В возрасте десяти лет я внезапно оказался «независимым» и «вольным» жить и выживать, полагаясь только на самого себя ... Такая суровая жизненная школа либо ломает своих учеников, либо же делает их уверенными в себе и независимыми. После многих лет жесткой дисциплины в этой школе я стал до известной степени самодостаточным, независимым, часто неконформистским человеком, который в поисках истины отвергает любой авторитет, любую теорию, любую веру и любую ценность, если все это не было проверено и верифицировано всем комплексом надежных доступных свидетельств [перевод Н.Ф. Зюзева]) [Sorokin P, 1963, с.35–36; Сорокин П.А. 2018, с.123].

Литература

- Бахтикиреева У.М.* О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016, № 2(50). – С.76–80.
- Жюзеу Н.Ф.* Питирим Сорокин: учение и жизнь: Монография. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. – 208 с.
- Иванов Вяч.Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 2013 с. [<http://philology.ru/linguistics1/ivanov-04a.htm>].
- Козер Льюис А.* Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте: пер. с англ. М.: Норма, 2006. – 528 с.
- Лямзина С.А., Колмогорова А.В.* Личность в зеркале языковой и речевой биографии // Филология: научные исследования. 2018, № 4. – С.220–228. [https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28428].
- Мертон Роберт К.* Фрагменты из воспоминаний: пер. с англ. // Питирим Александрович Сорокин / Под ред. В.В. Сапова. М.: РОССПЭН, 2013. – С.427–433.
- Прошина З.Г.* Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017, Т. 14, № 2. – С.155–170.
- Сергиева Н.С.* Американский этап лингвистической биографии Питирима Сорокина // Полилингвальность и транскультурные практики. 2019, Том 16, № 1. – С.35–44. [<http://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/20804>].
- Сорокин С.П.* Семейная жизнь с Питиримом Сорокиным: пер. с англ. // Питирим Александрович Сорокин / Под ред. В.В. Сапова. М.: РОССПЭН, 2013. – С. 444–471.
- Smith, Roger W.* Sorokin as Bilingual Stylist: His English Language Writings Examined from a Stylistic Perspective // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 130-летию со дня рождения). Международная научная конференция, Сыктывкар, 10–12 октября 2019 г.: Сборник научных трудов. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. – С.25–30.
- Sorokin, Pitirim A.* Sociology of My Mental Life // Pitirim A. Sorokin in Review, edited by Philip Allen. Durham, N. C.: Duke University Press. 1963. – P.1–36. (Russ. ed.: Сорокин П.А. Социология моей интеллектуальной жизни: пер. с англ. Н.Ф. Жюзеу // Наследие. 2018, № 1 (12). – С.99–124).

References

- Bakhtikireeva U.M.* O translīngvīzme i transkul'turacii cherez prizmu odnoj yazykovoj biografii [On translīngualism and transculture through the prism of one language biography]. Social and Humanitarian Sciences in the Far East. 2016, no. 2(50), pp. 76–80.
- Zyuzev N.F.* Pitirim Sorokin: uchenie i zhizn': Monografiya [Pitirim Sorokin: Teaching and life: monography]. Syktyvkar, Izdatel'stvo Syktyvskarskogo gosudarstvennogo universiteta imeni P. Sorokina, 2019, 208 p.
- Ivanov Vyach.Vs.* Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: voprosy k budushchemu [Linguistics of the third millennium. Questions for future]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 2013 p. URL: [<http://philology.ru/linguistics1/ivanov-04a.htm>].
- Cozer, Lewis A.* Mastera sociologicheskoy mysli. Idei v istoricheskom i social'nom kontekste [Masters of sociological thought. Ideas in historical and social context] (trans. from English). Moscow, Norma, 2006, 528 p.
- Lyamzina S.A., Kolmogorova A.V.* Lichnost' v zerkale yazykovoj i rechevoj biografii [Personality in the mirror of linguistic and speech biography]. Philology: scientific research, 2018, no. 4, pp. 220–228. URL: [https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28428].
- Merton Robert K.* Fragmenty iz vospominanij: per. s angl [Fragments from memories]. Pitirim Alexandrovitch Sorokin. Ed. V.V. Sapov. Moscow, ROSSPEN, 2013, pp. 427–433.
- Proshina Z.G.* Translīngvīzm i ego prikladnoe znachenie [Translīngualism and its practical significance]. Vestnik RUDN. Series: Education issues: languages and speciality. 2017, Vol. 14, no. 2, pp. 155–170.
- Sergieva N.S.* Amerikanskij etap lingvisticheskoy biografii Pitirima Sorokina [American stage of Pitirim Sorokin's linguistic biography]. Polylinguality and Transcultural Practices. 2019, Vol. 16, no. 1, pp. 35–44. URL: [<http://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/20804>].
- Sorokin S.P.* Semejnaya zhizn' s Pitirimom Sorokinym [Family life with Pitirim Sorokin: trans. from English]. Pitirim Alexandrovitch Sorokin. Ed. V.V. Sapov. Moscow, ROSSPEN, 2013, pp. 444–471.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ЛИТЕРАТУР ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Редколлегия журнала «Наследие» поздравляет с юбилеем Анну Сергеевну Зуеву-Измайлову, доктора филологических наук, профессора, члена Союза писателей РФ, Финского литературного общества в Хельсинки, лауреата Государственной премии Республики Удмуртия, почетного работника высшего профессионального образования РФ.

А.С. Зуева-Измайлова – крупный специалист в области финно-угорского литературоведения, ее работы широко известны исследователям финно-угорских литератур, а также всем, кто ими интересуется. Профессором А.С. Зуевой-Измайловой обстоятельно исследована история и поэтика удмуртского романа; данная тема легла в основу ее диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. В монографии «Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций» (2000) одаренный литературовед рассматривает родную литературу в контексте духовных, эстетических, исторических взаимосвязей. С этой проблемой связана тема ее диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Анну Сергеевну характеризуют широта исследовательских интересов и неординарный взгляд на художественное развитие литературы; дарованный ей талант литературоведа способствует выявлению специфических черт родной литературы. Так, ею была рассмотрена удмуртская женская поэзия как специфический художественный феномен; выявлена специфика жанровой формы автобиографического романа литератур пермских народов (К. Жаков, Кедр Митрей, Мосшег). А.С. Зуевой-Измайловой опубликовано 2 монографии, 2 сборника статей, более 300 статей в региональной, российской, зарубежной печати, из них более 200 посвящены проблемам удмуртской литературы и критики.

Профессор А.С. Зуева-Измайлова заведовала кафедрой русской филологии Удмуртского государственного университета, руководила факультетом журналистики, ею была создана кафедра языка СМИ и литературно-художественной критики, которая поддерживала контакты с российскими центрами журналистики Москвы, Казани, Санкт-Петербурга.

В настоящее время Анна Сергеевна продолжает активно вести научную работу, публикуя результаты исследований. Мы искренне желаем ей здоровья, творческих успехов, счастья!